ЭДИТ УОРТОН

Обычай страны

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
У64

Edith Wharton

THE CUSTOM OF THE COUNTRY
1913

Художественное оформление *Натальи Портяной*

Перевод с английского *Натальи Холмогоровой*

Литературный редактор *Марина Стрепетова*

Школа перевода
В. Баканова

Уортон, Эдит.

У64 Обычай страны / Эдит Уортон ; [перевод с английского Н. Холмогоровой]. — Москва : Эксмо, 2027. — 544 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-242066-5

Нью-Йорк, начало XX века. Ундина Спрэгг, провинциалка из Апекс-Сити, мечтает о «высшем обществе» и знает, как туда попасть: у нее есть красота, напор и полное отсутствие морали. Браки и разводы для нее лишь ступени лестницы, а чувства других людей — разменная монета. Мечтатель Ральф Марвел принимает ее расчет за искренность и слишком поздно понимает, с кем связал жизнь.

Едкая сатира Эдит Уортон на мир, где все можно купить, но не счастье.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Холмогорова Н., перевод на русский язык, 2027
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2027

ISBN 978-5-04-242066-5

I.

— Ундина Спрэгг, что ты делаешь? — воскликнула мать, поднимая преждевременно увядшую, унизанную кольцами руку в тщетной попытке защитить письмо, принесенное медлительным посыльным.

Однако и словам ее, и жесту недоставало решимости; и она по-прежнему улыбалась гостье, пока мисс Спрэгг, одним движением ловких юных пальцев завладев посланием, отошла к окну, чтобы его прочесть.

— Думаю, это мне, — бросила она матери, обернувшись через плечо.

— Видано ли такое, миссис Хини? — любуясь дочерью, укоризненно пробормотала миссис Спрэгг.

Миссис Хини, полная, деловитая с виду женщина в ватерпруфе,[1] с откинутой назад порыжелой вуалью и с потрепанной сумкой крокодиловой кожи у ног, одобрительно улыбнувшись, проследила за взглядом матери.

— Сколько живу, второй такой красавицы не встречала! — отозвалась она не столько букве, сколько духу материнского упрека.

Миссис Спрэгг и ее гостья восседали в громоздких позолоченных креслах в гостиной одного из номеров

[1] Женское летнее непромокаемое пальто, модное в конце XIX — начале XX века. (*Здесь и далее примечания переводчика.*)

отеля «Стенториан». Номер носил неофициальное название «покои короля Людовика»: стены гостиной, поверх панелей красного дерева, покрытых толстым слоем лака, были обтянуты лососево-розовым дамастом и украшены овальными портретами Марии-Антуанетты и принцессы де Ламбаль. В центре цветастого ковра, на позолоченном столе со столешницей из мексиканского оникса, высилась пальма в позолоченном горшке, перевязанном розовой лентой. Однако помимо этого украшения да еще лежащей рядом «Собаки Баскервилей», не было заметно, чтобы в этой комнате жили, и сама миссис Спрэгг сидела в кресле с отрешенным видом восковой фигуры в витрине модного магазина. Платье на ней вполне подошло бы манекену, а бледное пухлое лицо с обвисшими щеками, двойным подбородком, тяжелыми веками и опущенными уголками рта наводило на мысль о воске, оплывшем под действием огня.

От миссис Хини, напротив, исходило ободряющее ощущение прочности и надежности. То, как уверенно она разместила в кресле свое дородное тело, как крепко взялась здоровенными красными ручищами за позолоченные подлокотники, свидетельствовало: эта женщина здесь вполне на своем месте. Объяснялось это родом ее занятий: миссис Хини была мастерицей маникюра и массажисткой. По отношению к миссис Спрэгг и ее дочери она выполняла двойную роль служительницы и подруги; и именно во втором качестве, покончив с делами на день, заглянула на минутку в «Стенториан», чтобы «подбодрить» скучающих дам.

Девушка, чья внешность заслужила высокую профессиональную оценку миссис Хини, вдруг резким движением отвернулась от окна.

— Вот, пожалуйста! Держи! — проговорила она и с презрительным жестом бросила скомканную записку на колени матери.

— А что, разве это не от мистера Поппла? — неосторожно поинтересовалась миссис Спрэгг.

— Вовсе нет. С чего ты взяла, что я жду от него письма? — отрезала ее дочь и тут же добавила со вспышкой ребяческого раздражения: — Всего лишь от сестры мистера Марвела — по крайней мере, пишет, что она его сестра.

Миссис Спрэгг, озадаченно хмурясь, начала шарить в оборках у себя на груди в поисках монокля.

Голубые глазки миссис Хини загорелись любопытством.

— Марвела? А что это за Марвел?

— Ну такой... низенький. Кажется, мистер Поппл говорил, что его зовут Ральф, — неохотно объяснила девушка.

— Ундина познакомилась с ними обоими вчера на танцах здесь, в отеле, — продолжила ее мать. — И мистер Поппл говорил что-то о том, чтобы сходить на новую пьесу, а Ундина подумала...

— Откуда тебе знать, что я подумала? — резко спросила Ундина, и ее серые глаза из-под прямых темных бровей метнули на мать предостерегающий взгляд.

— Но ты же сама сказала, что думаешь... — с упреком начала мать.

Миссис Хини не обращала внимания на их препирательства и следовала ходу собственной мысли.

— А что за Поппл? Клод Уолсингэм Поппл, портретист?

— Да, наверное. Он говорил, что хотел бы меня написать. Нас познакомила Мейбл Липскомб. Да какая

разница? Не важно, если я даже никогда больше его не увижу! — сердито порозовев, отозвалась девушка.

— Миссис Хини, вы его знаете? — спросила миссис Спрэгг.

— Да уж, могу сказать, знаю! Я ему делала маникюр для первого его портрета светской дамы — как сейчас помню, это был ростовой портрет миссис Хармон Б. Дрискол. — И миссис Хини снисходительно улыбнулась слушательницам. — Я тут со всеми знакома. Кто меня не знает, тот, значит, не из хорошего общества. Однако, хоть Клод Уолсингэм Поппл человек светский, — добавила она со знанием дела, — он и в подметки не годится Ральфу Марвелу — низенькому, как ты сказала.

При этих словах Ундина Спрэгг со стремительностью, свидетельствующей о девичьей гибкости, повернулась всем телом к говорившей. Она была постоянно в движении — и каждый ее поворот, казалось, зарождался где-то в затылке, прямо под волной зачесанных кверху золотисто-рыжеватых волос, и оттуда проходил единым порывом по всему стройному телу, до кончиков пальцев и подошв изящных беспокойных ног.

— Значит, вы знаете Марвелов? И что же, они из высшего общества? — поинтересовалась она.

Миссис Хини только рукой махнула, словно утомленная наставница, тщетно старающаяся привить мятежному юному уму азы знаний.

— Ох, Ундина Спрэгг, я ведь тебе много раз о них рассказывала! Мать его из Дагонетов. И живут они в доме старого Урбана Дагонета на Вашингтон-сквер.

Из этих слов миссис Спрэгг поняла еще меньше, чем ее дочь.

— Далеко отсюда? А почему они живут с кем-то еще? У них на собственный дом денег нет?

Ундина, соображавшая быстрее матери, устремила на миссис Хини вопросительный взгляд.

— Хотите сказать, мистер Марвел из того же круга, что и мистер Поппл?

— Из того же? Да Клоду Уолсингэму Попплу до семьи Дагонетов как до Луны!

В одно мгновение девушка оказалась подле матери, выхватила у нее и разгладила смятую записку.

— Лаура Фэрфорд — так зовут его сестру?

— Да, миссис Хенли Фэрфорд. И что она пишет?

Лицо Ундины просияло, словно озарилось закатными лучами, пробившимися сквозь трехслойные шторы на окнах «Стенториана».

— Приглашает на ужин в следующую среду. Вот странно! Зачем я ей? Она же никогда меня не видела! — По тону Ундины было ясно: относительно тех, кто ее уже видел, вопроса: «Зачем я им?» — у нее не возникало.

— Зато он тебя видел, верно? — рассмеявшись, ответила миссис Хини.

— Кто? Ральф Марвел? Да, конечно, — мистер Поппл вчера привел его сюда.

— Ну вот тебе и ответ. Когда молодой человек из хорошего общества хочет еще раз встретиться с девушкой, то просит свою сестру пригласить ее на ужин.

Ундина недоверчиво воззрилась на нее.

— Надо же! Но не у всех же есть сестры! А что делать тем, у кого нет?

— У кого нет сестер, те просят матерей или каких-нибудь знакомых, — отвечала всезнающая миссис Хини.

— Знакомых джентльменов? — переспросила миссис Спрэгг, слегка шокированная, но жадно впитывающая новые знания.

— Боже упаси! Знакомых замужних дам, разумеется.

— Выходит, джентльменов там не бывает? — продолжала расспрашивать миссис Спрэгг, предчувствуя, что отсутствие джентльменов весьма разочарует Ундину.

— Где? На таких ужинах? Бывают, конечно. И у миссис Фэрфорд ужины самые изысканные во всем городе. Вот только на прошлой неделе в «Городском сплетнике» писали... погодите, где-то тут у меня была вырезка... — Тут миссис Хини, покопавшись у себя в сумке, извлекла оттуда целую стопку газетных вырезок, разложила их на широких коленях и, послюнив палец, принялась перебирать. — Да вот же она! — воскликнула она наконец и, отодвинув листок подальше от глаз и запрокинув голову, начала читать медленно и нараспев: — «В прошлую среду миссис Хенли Фэрфорд, по своему обыкновению, давала ужин для узкого круга избранных друзей. Тем, кто не был приглашен, осталось лишь скрежетать зубами от зависти, узнав, что после ужина мадам Ольга Луковска исполнила для собравшихся танец “казачок”...» «Казачок» — это по-французски, — пояснила миссис Хини, убирая вырезки обратно в сумку.

— А с миссис Фэрфорд вы тоже знакомы? — нетерпеливо спросила Ундина.

Что до миссис Спрэгг — она, впечатленная, однако жаждущая выяснить что-нибудь более существенное, поинтересовалась:

— И где она живет? На Пятой авеню?

— Нет, у Фэрфордов маленький домик по Тридцать восьмой улице, за Парк-авеню.

Лица дам снова поскучнели, и массажистка поспешила добавить:

— Но их и в любом большом доме принимают с радостью! Да, как же, я ее знаю, — продолжала она, отвечая на вопрос Ундины. — Пару лет назад массировала ей растянутую лодыжку. Манеры чудесные, но поговорить с ней толком не о чем. Не то что иные мои клиенты — с некоторыми бывает так интересно поболтать!

Ундина все вглядывалась в записку.

— Адресовано маме — миссис Абнер Э. Спрэгг. И дальше... что это? Никогда такого не видела! «Позволите ли вы вашей дочери со мной поужинать?» Она что, с придурью?

— Не она, а ты, дорогая моя, — без обиняков отвечала миссис Хини. — Неужто не знаешь: в высшем обществе принято делать вид, что девушкам ничего нельзя без позволения матерей. Обязательно это запомни, Ундина! Нельзя просто так принимать от джентльменов приглашения — непременно надо отвечать: «Спрошу у мамы».

— Ну и ну! А откуда мама узнает, что отвечать?

— Мама ответит то, что ты ей подскажешь, разумеется. И сейчас подскажи, что очень хочешь поужинать с миссис Фэрфорд, — шутливо добавила миссис Хини, запахивая ватерпруф и нагибаясь за сумкой.

— Что же, мне придется ей ответ писать? — с беспокойством спросила миссис Спрэгг.

Над этим миссис Хини немного подумала.

— Да нет, не нужно. Ундина и сама прекрасно напишет, как будто от вас. Ведь миссис Фэрфорд не знает вашего почерка.

Этот совет миссис Спрэгг выслушала с нескрываемым облегчением. Ундина с запиской унеслась к себе в комнату, а ее мать, откинувшись на спинку кресла, жалобно пробормотала:

— Миссис Хини, посидите еще немного! Я тут день-деньской ни души не вижу, не считая этой горничной-француженки — а с ней не знаю, о чем говорить.

Миссис Хини взирала на хозяйку с дружеским сочувствием, прекрасно понимая: для миссис Спрэгг она в самом деле единственная отдушина. Уже два года прошло, как Спрэгги переехали из Апекс-Сити[1] в Нью-Йорк, однако с тех пор почти не продвинулись в налаживании отношений со своим новым окружением; и врач миссис Спрэгг, четыре месяца назад призвавший к ней миссис Хини для профессиональных услуг, заботился не столько о ее теле, сколько о душе. С подобными «историями болезни» миссис Хини уже сталкивалась. Памятна ей была одна растерянная богатая семья, томящаяся одиночеством в роскошном отеле на Вест-Сайде: отцу приходилось искать чего-то, хоть отдаленно похожего на светскую жизнь, в баре отеля, а мать, лишенную даже такого общения с себе подобными, бездействие и скука довели до болезни. Бедная миссис Спрэгг в юности сама стирала белье; но растущее состояние мужа не позволило продолжать это занятие, и она погрузилась в относительное безделье, которое у дам в Апекс-Сити считается привилегией богачей. Однако в Апексе она состояла в клубе, а пока семья не переехала в «Милихаус», вела неустанную борьбу с разными домашними хлопотами; Нью-Йорк же, как видно, не предлагал никаких занятий, подходящих для дам. Поэтому она с радостью ухватилась за физические упражнения под руководством миссис Хини — а та умела трени-

[1] Вымышленный город с говорящим названием: Арех означает «вершина».

ровать воображение пациентов не хуже, чем их мышцы. Именно миссис Хини заполнила долгие одинокие дни миссис Спрэгг увлекательными историями о ван Дегенах, Дрисколах, Чонси-Эллингсах и прочих властителях светского Олимпа, за чьими приключениями миссис Спрэгг с Ундиной привыкли следить издалека, по газетам, — и которые казались куда неприступнее теперь, когда лишь протяженность Центрального парка отделяла мать и дочь от их сияющих высот.

Собственных амбиций у миссис Спрэгг не было — все надежды и мечты она перенесла на дочь и страстно желала, чтобы Ундина получила все, чего хочет; и порой ей казалось, что миссис Хини, так легко переступающая все эти священные пороги, рано или поздно сумеет как-нибудь раздобыть туда доступ и для Ундины.

— Что ж, пожалуй, могу еще немного задержаться, раз просите. Может, за разговором ногти вам отполируем, чтобы времени зря не терять? — предложила массажистка, поставив сумку на стол и расставляя на его блестящей ониксовой поверхности свои бутылочки и флакончики.

Миссис Спрэгг уже послушно снимала кольца с испещренных пятнышками маленьких рук. Крепкая хватка миссис Хини неизменно ее успокаивала; и хоть она знала, что такое внимание обойдется ей в три доллара, — была уверена, что Абнер возражать не станет. Еще со времен их довольно поспешного отъезда из Апекс-Сити было ясно, что Абнер твердо решил «не возражать» — и любой ценой довести до конца эту нью-йоркскую авантюру. А цена все росла. В Нью-Йорке Спрэгги прожили два года,

и за этот срок их дочь ни на шаг не продвинулась по общественной лестнице, хотя именно ради этого они и уехали. Положим, не только — были и иные, более настоятельные причины: но о них миссис Спрэгг с мужем не упоминали даже наедине, в тишине своей «королевской» спальни. Такое молчание окружило эту тему, что для миссис Спрэгг она вовсе перестала существовать; она уже искренне верила, что семья покинула Апекс, поскольку, как выражался в то время Абнер, «Ундине здесь негде развернуться».

Но если Апекс был слишком мал для Ундины, то Нью-Йорк оказался для бедняжки слишком велик. Она затерялась в его несметных толпах, и мать с ужасом ждала дня, когда дочь осознает эту свою невидимость. Для себя миссис Спрэгг не возражала против долгого ожидания: запас флегматичного терпения у нее был безграничный. Но в последнее время она начала замечать, что Ундина становится нервной — а родители Ундины ничего так не страшились, как ее нервов. Материнская тревога миссис Спрэгг невольно отразилась в следующих словах.

— Я так надеюсь, что теперь она успокоится! — пробормотала она — и сама почувствовала себя спокойнее, когда ее рука легла в просторную ладонь миссис Хини.

— Кто? Ундина?

— Да. Она ведь уже так настроилась на этого мистера Поппла! По тому, как он держался вчера вечером, решила, что он непременно появится и сегодня. Бедняжка, не могу ее винить: ей здесь так одиноко!

— Появится обязательно, только чуть погодя. В Нью-Йорке дела так скоро не делаются, — бодро

отозвалась миссис Хини, нанося клиентке на ногти полировочный порошок.

Миссис Спрэгг снова вздохнула.

— Это уж точно. Говорят, в Нью-Йорке все вечно спешат — но что-то не особенно они спешат с нами знакомиться!

Миссис Хини, чуть откинувшись назад, полюбовалась делом рук своих.

— Не все сразу, миссис Спрэгг, не все сразу. Имейте терпение. Поспешишь — людей насмешишь, как говорится.

— Ох, как вы правы. Как вы правы! — отвечала миссис Спрэгг с трагическими обертонами, заставившими массажистку поднять глаза.

— Права, конечно. И в Нью-Йорке эта поговорка вернее, чем в любом другом месте. Здесь дурная компания что липучка для мух: попал туда — и сколько ни рвись и ни дергайся, а взлететь уже не выйдет.

Миссис Спрэгг испустила новый, еще более тяжкий вздох.

— Хотела бы я, миссис Хини, чтобы вы сказали это Ундине!

— А за Ундину не тревожьтесь. Такая девушка может себе позволить подождать. И, если молодому Марвелу она и впрямь пришлась по душе, вы и оглянуться не успеете, как она взлетит куда надо.

Эта утешительная мысль позволила миссис Спрэгг со спокойной душой отдаться заботам миссис Хини, вместе с доверительной беседой затянувшимся на целый счастливый час. Она едва распрощалась с массажисткой и начала надевать кольца, когда отворилась дверь, и на пороге показался ее муж.

Мистер Спрэгг вошел молча, свой цилиндр поставил на середину стола, а пальто бросил на одно

из позолоченных кресел. Он был довольно высокого роста, седобородый и сутулый, с вялой фигурой малоподвижного человека, который непременно бы растолстел, если бы не страдал от дурного пищеварения. Из-под набрякших век под прямыми и темными, как у дочери, бровями подозрительно смотрели серые глаза. Длинноватые редеющие волосы спускались до воротника; на массивной золотой цепи, пересекающей обтянутую черным жилетом грудь, болтался масонский символ.

Мистер Спрэгг остановился посреди гостиной, окинув ее позолоченные просторы взглядом первопроходца, а затем спросил вполголоса:

— Ну что, мать?

Миссис Спрэгг не встала с места, но обратила на мужа радостный взгляд.

— Ундину пригласили на званый ужин; и миссис Хини говорит, это одно из лучших здешних семейств! Сестра одного из джентльменов, с которыми ее познакомила вчера вечером Мейбл Липскомб.

В голосе ее звучало легкое торжество: дело в том, что именно настойчивость миссис Спрэгг и Ундины побудила мистера Спрэгга оставить купленный им дом на Вест-Энд-авеню и перевезти семью в «Стенториан». Ундина с самого начала решила, что, «сидя дома», ничего не добьешься: все известные ей великосветские особы проживали либо в съемных домах, либо в отелях. Миссис Спрэгг она убедила без труда, но мистер Спрэгг сопротивлялся: в тот момент он не мог ни продать дом, ни сдать его в аренду с той выгодой, на какую надеялся. В первое время после переезда казалось, что он прав и шагнуть в поток светской жизни из отеля не легче, чем из собственного дома, — так

что теперь миссис Спрэгг поспешила дать ему понять, что первое свое приглашение Ундина получила под крышей «Стенториана».

— Видишь, Абнер, как правильно мы сделали, что переехали сюда! — добавила она, и мистер Спрэгг рассеянно откликнулся:

— Похоже, вы обе всегда оказываетесь правы.

Однако он не улыбнулся — и вместо того чтобы сесть и закурить сигару, как поступал всегда перед ужином, два или три раза бесцельно прошелся по комнате, а затем остановился перед женой.

— Что такое? — спросила она, и на лице ее, словно в зеркале, отразилось его беспокойство. — На работе что-нибудь не так?

Познания миссис Спрэгг о том, что происходит у мужа «на работе», носили самый смутный характер; однако она давно привыкла сверяться с лицом мистера Спрэгга и определять по нему, как по барометру, стоит ли продолжать или лучше остановиться и переждать надвигающуюся бурю.

Он покачал головой.

— Да нет. Ничего такого. На жизнь пока хватает, если вы с Ундиной не будете сорить деньгами... — И, бросив взгляд через комнату на дверь дочери, добавил вполголоса: — А где она?

— У себя, должно быть. Вместе с этой француженкой-горничной перебирает платья. Уж и не знаю, найдется ли у нее что-нибудь подходящее для этого ужина... — нерешительно пробормотала миссис Спрэгг.

Мистер Спрэгг наконец улыбнулся.

— А не найдется, так мы найдем! — предсказал он.